

Театр – настоящая подарок, если зритель влюблен

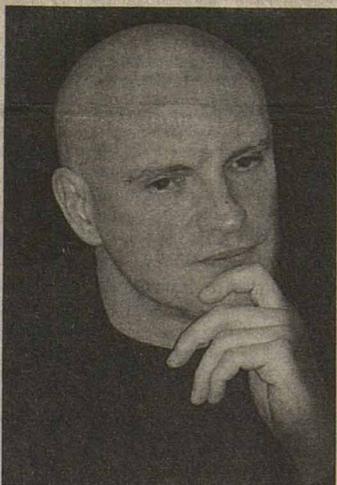
В гостинице “Националь” Жан-Кристоф МАЙО встретился с журналистами и охотно ответил на все вопросы, в том числе и на интересовавшие нашу газету.

– В России я впервые. Для меня ваша страна и русский балет – что-то из области мифа, легенды. У “Балета Монте-Карло” с Россией связи исторические, старинные, и потому для нас большая честь танцевать именно здесь. Мы понимаем всю ответственность и, конечно, хотим показать все, на что способны.

– Почему вы обратились к постановке “Золушки”?

– Привлекла музыка Прокофьева. Я получил углубленное музыкальное образование и как хореограф прежде всего связываю свою работу с музыкой, она для меня основной источник вдохновения. Эта музыка не просто умная, эта музыка – праздник. Взяв на себя руководство труппой, я задал вопросом: как реализовать дух классических произведений в современной интерпретации, возможно ли привнести новый смысл в балетные истории или хотя бы приблизить их к реальной жизни?

Для работы над “Золушкой” я привлек своего ближайшего соратника – художника Эрнеста и попросил его сделать декорации в несколько абстрактном плане. Налет патины, пыли, туманности несет значение эстетическое. У нас нет традиционной кареты, привычной хрустальной туфельки и многих других аксессуаров, связанных с “Золушкой”, потому что танец может быть поэтичным в своем выражении и ему не нужны подлорки. Фея, в которую превратилась умершая мать Золушки, каким-то мистическим образом сопровождает дочь до того момента, когда та обретает счастье. И только тогда мать может спокойно уйти. В первой сцене нами представлены мать и отец Золушки, потому что драматический момент потери близких рано или поздно входит в жизнь каждого человека. Фея – это образ моего отца, самого важного для меня человека, который ушел из жизни в 1995 году. Он был театральным худож-

Ж. К. Майо

ником-декоратором, мы много работали вместе, и через два года после его смерти ко мне стало по-настоящему приходить признание. Его дух присутствует, он рядом со мной. Думаю, у каждого из нас есть своя добрая фея, которая ведет нас по жизни.

Еще мне хотелось, чтобы спектакль носил игровой характер. Люблю делать спектакли с элементами фантазии: не только для элиты, способной оценить танцевальное искусство – балет слишком долго считался элитарным, – но и для широкой публики. Поэтому добиваюсь от исполнителей технической безукоризненности, но и прошу их танцевать так, чтобы техника не становилась самоцелью. Не менее важно актерское перевоплощение. Настаиваю на том, чтобы актеры абстрагировались от традиционной картинке диснеевского характера. Считаю, что драматический накал и идея сказки Перро уведены в сторону этой анимацией, да и не только ей. Взять, к примеру, образы сестер и мачехи. Обычно во всех версиях они карикатурны. А ведь в сказке сказано, что они привлекательны и даже красивы. Тогда понятно, почему несчастный отец Золушки попал под их очарование – любой мужчина по своей

природе становится слабым под воздействием женских чар.

– Сохраняет ли труппа спектакли “Русского балета Монте-Карло”?

– Если ответить честно, то сегодня в репертуаре этого наследия, великого и объемного, нет. Труппа долго его сохраняла: шли балеты дягилевского периода, спектакли Мясина, Балачина. Когда я пришел в 1992 году в труппу, то восстановил “Послеполуденный отдых фавна”, “Петрушку”, “Жар-птицу”, Половецкие пляски из “Князя Игоря”, “Шехеразаду”. Более всего меня интересовал эстетический аспект этих постановок, к тому же осталось немало элементов уникальных декораций, буафории, которые мы могли использовать. В подвалах казино были найдены потрясающие костюмы той эпохи, забытые в сундуках, мешках, коробках. Вместе с принцессой Каролиной, принимающей самое непосредственное участие в нашей жизни, мы решили, что необходимо это богатство привести в порядок, реставрировать, каталогизировать. Возникла идея создания музея, где будут собраны все материалы, связанные с театром. Сожалею, что многое исчезло, но успокаиваю себя тем, что, быть может, раритеты попали в хорошие руки настоящих ценителей красоты. Находка в казино позволила мне сделать интересную реконструкцию “Шехеразады”. Сняв часть подкладки с костюмов, мы сумели вернуть им оригинальный цвет – тот, который был на премьере. Априори мы восстанавливали балеты, но кто может сказать сегодня, насколько точно?

Одно время репертуар насчитывал 14 балетов Балачина. Каждый из тех, кто имел счастье работать с ним, настаивал на истинности своей версии. Четыре года назад мы воссоздали ранний балачнинский балет “Соловей”: с декорациями и костюмами было не сложно – какие-то образцы остались, смотрели старые фотографии, читали мемуары. Но ответить с уверенностью, что все танцевальные моменты точны и что они соотносятся с эпохой, боюсь, уже невозможно.

Знаю только, что для танцовщиков воспринять, переварить и вынести на суд зрителей балет было сложно. Они должны жить сегодняшним днем, хотят танцевать живую хореографию, их трудно питать идеями прошлого, пускай и великого. Я их понимаю. В труппе артисты 25 национальностей, они закончили разные школы, в их воспитании традиции не играют особой роли, так, как это, скажем, происходит с выпускниками московского или петербургского училищ. Их юность исключают конкретные связи с историей. Им трудно.

Поэтому в определенный момент я решил, что пора наконец показать наше собственное лицо. Мы сохранили, как нам кажется, дух дягилевской эпохи, которой была присуща общность между искусствами танца, музыки и живописи. Для меня основное наследие “Русских балетов” в том импульсе, который они дали миру. Имею в виду и создание новых коллективов, и постановку новых балетов.

– Сколько сейчас танцовщиков в “Балете Монте-Карло”?

– 48 артистов, все с классическим балетным образованием. Принцип нашей художественной политики заключается в том, чтобы, базируясь на постановках постоянного хореографа, в данном случае им являюсь я, привлекать и других художников. В этой роли выступали Джон Ноймайер, Иржи Килиан, Уильям Форсайт. Даем возможность ставить и молодым хореографам.

Одна из особенностей театра – его кочевая жизнь: в течение года даем 20 – 25 спектаклей в Монте-Карло, а остальное время разъезжаем. И публика, которая нас принимает на гастролях, ожидает новых, оригинальных постановок. Наш балет можно рассматривать как великолепную лабораторию человеческих ресурсов: танцовщики разных национальных традиций, разного цвета кожи, разных социальных менталитетов. Вместе они составляют симбиоз, который, как кажется, отражает характер нашей современной жизни – со смешением народов, интересов, культур.

– Помогло ли вам то, что несколько лет вы танцевали в труппе Джона Ноймайера?

– Когда я попал к Ноймайеру, мне было 18 лет, и это был мой первый серьезный профессиональный опыт. А любой опыт сказывается в дальнейшем, не уходит и не стирается. Какую роль это играет в жизни, наверное, начинаешь понимать спустя время. Сегодня, работая в должности хореографа, я стараюсь охватить довольно широкий спектр постановок и, естественно, испытываю на себе часть того влияния, которое получил от работы с Ноймайером. Сказанное не означает отсутствия каких-либо расхождений. Помню, наши беседы на тему музыки: я был убежден, что все танцовщики должны иметь музыкальное образование – тогда они наиболее чутко улавливают пластический язык, что я заметил и как артист, и как хореограф. Для меня это был важный постулат, но, возможно, Ноймайер и не помнит об этом.

– Можно ли из того, что Фея – образ отца, сделать вывод об автобиографичности ваших балетов?

– Хороший спектакль – это как добрый ужин в кругу друзей и тех, кто приятен. Нужно, чтобы блюда были вкусными, а стол изыскан сервирован – только тогда вечер удастся. В этом смысле наша труппа представляет сплоченный коллектив, дух которого вы, надеюсь, сможете почувствовать, посмотрев нашу “Золушку”. Не думаю, что мои спектакли автобиографичны, хотя, естественно, личные переживания так или иначе переходят в работу. Это касается и зрителей. Вы тоже будете смотреть спектакль по-разному, в зависимости от того, что произошло с вами: поссорились с женой или с близкой подружкой, устали или чем-то довольны. Если бы ваш визит в театр совпал с периодом влюбленности – было бы великолепно! Во всяком случае, для восприятия нашей “Золушки”.

Записала
Евгения ФРАНЦЕВА
Фото Екатерины БЕЛЯЕВОЙ